

О. П. Зубец¹

ФИЛОСОФИЯ В «СЕРОЙ ЗОНЕ»

Философское обращение к понятиям «нация» и «национализм» более не может ориентироваться только на задачу теоретического *описания* некоторой эмпирической реальности, наличия в человеческом мире этнических различий, национальных образований и наций, после того как националистическая идея стала мировоззренческим стержнем нацизма. Трагедия Аушвица опиралась на широкий спектр аргументов, которые претендовали на научную доказательность и философскую основательность, более того, она была порождена многими признанными достижениями человеческой цивилизации, в том числе духовными. Философия оказалась втянута в эту воронку истории, а осознание ею своей ответственности стало определяющим в критическом видении самой себя и традиционных идей, среди которых — описание человека и общества с помощью понятия «национальность».

После того как открылись ужасы нацистских лагерей, потрясенные мыслители дали на них единственно возможный ответ, сказав, что мир после Аушвица не может оставаться таким, каким был до него. Это означало, что в существовании Аушвица виновны не только те, кто непосредственно задумал и осуществил эту трагедию, но также мир, в котором она оказалась возможной. Так возникла тема «После Аушвица», в рамках которой необходимо рассмотреть вопрос о том, какую роль сыграла философия в самой страшной трагедии современности, непосредственно связанной с национализмом и понятием нации. В силу того что философия не описывает мир в качестве объекта научного исследования, но ставит вопрос о его бытии, которое задает или лишает оснований, она не может рассматривать вопрос о нации и национализме вне трагедии Холокоста. Философия не может оставаться прежней «после Аушвица», как и социология, история, религия, теология и любые формы осознания человеком самого себя. Иными словами, философия «после Аушвица» мыслит иначе и мир (в том числе и прежде всего в его национальной многокачественности), и саму себя (как принадлежащую этому миру). Речь

¹ Старший научный сотрудник сектора этики Института философии РАН, кандидат философских наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Мораль: разнообразие понятий и смыслов», «Предпочтение жизни самого себя», «Об одном месте из “Никомаховой этики”», «От дискуссии о лжи к молчанию о Холокосте», «Ложь как самоустранение», «Аристократизм как основание поступания», «Динамика нравственной жизни. Ценностное сознание и социальное время», «Возраст: особенности нравственной жизни», «Ответственность за все», «Этический проект Абду-салама Гусейнова» и др.

идет о том, что понятие национальности более не может мыслиться не столько вне опыта Аушвица как исторического факта, сколько — и это главное — вне стремления ценностно преодолеть радикальное зло (Х. Арндт).

Осознание себя в духовно-интеллектуальном пространстве «после Аушвица» стало сквозной темой многих выдающихся мыслителей: К. Ясперса, Т. Адорно, Ж.-П. Сартра, Х. Арндт, З. Баумана, Дж. Агамбена; под сомнение поставлены наиболее фундаментальные положения и приоритеты, ценности Просвещения, исходные этические идеи, оценка цивилизации, культуры и человека как такового. На смену самообольщению, доминированию радостно-просветленной и позитивной оценки человека как носителя блага, добродетели приходит убеждение, которое выразила Ханна Арндт: «Мне стыдно, что я человек». Кардинальность изменения заключается в том, что подорвано доверие не к отдельным человеческим проявлениям, но к человеческому началу как таковому. Можно ли после Аушвица в прежней интеллектуальной тональности говорить о цивилизации, культуре, морали, праве?! И можно ли говорить в нововременном позитивном ключе о нации и национальности, использовать эти понятия в их прежнем научно-социологическом содержании, когда за ними тянется кровавый след, все более углубляющийся геноцидами и погромами последнего времени?!

Понятие «серой зоны» было введено Примо Леви в его книге «Канувшие и спасенные» и означает стертость нравственных границ и определений, территорию двойственности, всеобщего соучастия в зле, так же как и отсутствие права выживших судить погибших. Расширив это понятие, можно сказать, что соучастниками Аушвица были не только члены зондеркоманды или капо, но и люди, отделенные от них и пространством, и временем: ученые, инженеры, мыслители, творцы той цивилизации, которая привела к Аушвицу, причем не в результате некой случайности или ошибки. Именно в этом смысле можно говорить о соучастии философии, ее попадании в «серую зону». Рассмотрим некоторые (лишь немногие) философские идеи — соучастники Аушвица, которые как минимум сопутствовали тому, чтобы узники становились членами зондеркоманды.

1. Идея предпочтения хорошей жизни по сравнению с жизнью как таковой, их ценностной неравнозначности была высказана в Античности и имела характер очевидной истины. Непосредственно с ней свя-

заны и две другие ценностно несоизмеримые пары: жизни живого существа и жизни человеческой, то есть полисной и владеющей речью, а также жизни хорошей (добродетельной) и дурной. Все эти ценностные оппозиции в конечном счете допускают мысль или создают предпосылку для мысли о членении человеческой жизни на ту, которую следует поддерживать, за которую стоит бороться и беречь, и другую, которая всего этого не заслуживает и, более того, должна быть прервана. В «Горгии» Сократ говорит, что «человеку нецелесообразно жить с плохим телом, ибо в таком случае неизбежно и жить плохо» (Gorg. 505a2–3); «порочному человеку лучше не жить, ибо он по необходимости будет жить плохо» (Gorg. 512b2). Для Платона «меньшее же [зло], если такой (порочный, но обладающий неморальными благами. — О. З.) человек останется живым как можно более короткое время» (Leg. 661c5). Совокупность данных идей задает некие мыслительные условия, с одной стороны, допускающие моральную санкцию убийства порочного человека, а с другой — лишает санкции чистое стремление к сохранению жизни, пусть и в ее животном качестве. Кроме того, они обуславливают возможность градации, дифференциации жизни по ее моральному качеству, проще говоря, деление людей на добродетельных и порочных.

Эти идеи явно и неявно связаны с трагедией Аушвица, которая, в свою очередь, ставит их под фундаментальное сомнение. (Состояние узников Аушвица, называвшихся мусульманами, было таково, что к ним уже неприменимы никакие определения человеческой жизни, тем более в ее моральном качестве. Означало ли это, что философия санкционировала их быструю гибель?!)

Нацисты провозглашали идею совершенного общества и делили человеческую жизнь на достойную и недостойную: последнюю следовало дистанцировать, а при невозможности этого — уничтожить (З. Бауман). Лишь трусливый самообман отказывается увидеть связь этой идеологии и практики с теми идеями, которые лежали в основе философской этики и до сих пор не осмыслены критически.

Философское осмысление границы человеческого, помимо задания оснований человеческого, было связано с различением человека и нечеловека (зверя, бога, женщины, раба, чужеземца и т. п.): в сущности, любое качественное определение человека (даже если оно содержит моральные критерии) является основанием для отношения к другому существу как к недочеловеку. Можно сказать, что любое определение специфики человека чревато убийством («решением вопроса», «гигиеническим мероприятием», «борьбой с вирусом человечества», «очищением» и т. п.). Единственное определение человека, практически не сформулированное в истории философии, — как «существа неубиваемого», что свидетельствует о том, что к решению этой мыслительной задачи философия подходила научно, то есть пыталась раскрыть сущность эмпирически данной реальности. В результате она санкционировала то, что с ходом истории признавалось недопустимым (в этом смысле обвинения, адресованные Аристотелю в связи с его оценкой рабства и женщин, в не меньшей

степени могут быть обращены к любому, в том числе современному, мыслителю, проводящему границу между человеком и недочеловеком).

Философия в своих определениях человека (как существа политического и обладающего речью, а позднее — как социального существа) формулирует исключение животной жизни как таковой, ее преодоление как задачу, как суть государства и общественной жизни (Дж. Агамбен).

2. Философия «изобрела» понятие человека вообще, абстрактного человека (философия не могла обойтись без него), но, как отмечает З. Бауман, именно это понятие позволило оперировать идеей «абстрактного еврея» («абстрактного армянина, курда, китайца, кавказца и т. п.»), представить которого вредоносным вирусом, олицетворением зла намного проще, чем конкретного человека, так называемого «одного знакомого еврея, хорошего человека».

3. Идея о том, что сущность человека предшествует его существованию, видится З. Бауману как основание расизма. В «Актуальности Холокоста» он пишет: «Человек существует до того, как он начал действовать. Ничто из того, что он делает, не может изменить его сущность. В общих чертах это и есть философская сущность расизма»¹. Узники Аушвица столкнулись с тем, что отсутствовала какая-либо связь между их судьбой и поступками: в газовую камеру были отправлены и борцы с нацизмом, и сотрудничавшие с ним. Возможно, известный тезис Сартра о том, что существование человека предшествует его сущности, является реакцией на трагедию Холокоста.

4. Идеи расы, этноса, национальности принадлежат пониманию человека как эмпирического, то есть полностью детерминированного, существа. Его национальное качество предзадано ему, оно немислимо как результат выбора или поступка. Поэтому это то, что можно только искоренить, но не исправить (З. Бауман). Философская подмена субъекта (лишенного каких-либо определений) личностью в ее социально-природной определенности привела к кажущейся неустрашимости качественных градаций и делений людей.

5. Х. Арндт замечает, что десять заповедей запрещают убийство в числе прочих проступков, которые, на наш взгляд, не могут по тяжести преступления сравняться с ним. Тем не менее моральная философия настойчиво принимает и декалог, и Нагорную проповедь в качестве исходных, не разводя имеющие абсолютный смысл запреты, очерчивающие границу человеческого бытия (а к таким можно отнести запрет на убийство и ложь), и запреты, которые возможно преступать много раз, прощать, увековечивать раскаянием и т. п. В результате убийство и ложь оказываются в ряду ситуативных грехов, своего рода средств, оправдываемых благими целями.

6. Понимание морали как формы социальности человека (формы ценностно-нормативной регуляции), превращение объекта этического рассмотрения в эмпирическое социально-психологическое явление, отказ от идеи абсолютности морального субъекта и противопоставленности морали эмпирической реально-

¹ Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2013. С. 81.

сти, морализация технологий, подмена самодостаточности поступка его результатом, обоснование идеи выбора меньшего зла, ситуативное рассмотрение допустимости насилия и лжи — все эти «достижения» этики можно считать прямыми соучастниками Аушвица. Особо задействованы подмена моральной ответственности правовой и ее гносеологизация. Доминирующее в этике ситуативное обоснование права на убийство и ложь ради высшего блага (а Аушвиц, как и все злодеяния, совершается именно «ради блага человечества») является саморазоблачением. Более того, есть основания думать, что сама идея иерархии ценностей опасна и спекулятивна, как опасна любая иерархизация и дифференциация людей через понятия, классификации, определения (пол, возраст, национальность, вероисповедание и т. д.). В Аушвице критерий отбора людей в газовую камеру постоянно менялся: это мог быть рост, длина прыжка и случайный взгляд — сама значимость была подвергнута полному разрушению.

7. Многие мыслители указывают на то, что Аушвиц — прямое порождение идеалов Просвещения, культа разума, науки и инженерного подхода к обществу. Одним из важнейших его оснований является то, что вопрос об убийстве был отдан в ведение человеческого разума, на его усмотрение. То есть в его ведении оказалось то, что предшествует самому разуму, рассудительности, познанию, является условием их возможности. Вопрос о жизни человека был отдан на откуп разуму таким образом, как если бы он был результатом, выводом, одним из возможных выводов разума в качестве обслуживающего нужды эмпирического существования, выводом ситуативного, инструментального разума.

8. Виновата ли философия в своих отдельных идеях или в самом своем существовании? Известно высказывание Х. Арндт о том, что мышление всегда опасно. Оно разрушает любую идею, подвергает сомнению любую норму, никогда не останавливается на позитивном ответе. Но отсутствие мышления еще опас-

нее, так как означает отсутствие субъекта: именно отсутствующая субъектность сотворила Аушвиц. Ничто и никто не может поставить мышлению границу, нормировать его, так же как это невозможно и в отношении философии как самодостаточного мышления. Но между мышлением и поступком — особые отношения: мышление в своей предельности является поступком в силу субъектности, а в качестве поступка оно есть авторское дело, то, на что человек решается и от чего может отречься. Человек не волен выбирать мысль, но он может отказать ей, не принять ее и тем более опровергнуть ее поступком деяния (несовершения) и речи (непроговаривания), подобно тому как Сократ дает ответ на рассуждение о допустимости лжи тем, что сам не лжет. В любом случае философия не может не задаться вопросом, как мыслить дальше, после Аушвица, вопросом о собственных основаниях. И единственным ответом видится осознание разумом собственных границ, то есть абсолютное выведение из сферы его ведения решения об убийстве, признании того, что запрет на убийство является не выводом разума, а его условием.

Даже если идея о хорошей жизни включает запрет на убийство, сама она означает меньшую ценность жизни. Только абсолютность запрета, независимость его от ценностных дифференциаций и качественных различий людей преодолевают их разрушительность, защищают живое существо от морального. Если в Аушвице соучаствовало все, что считалось высшим достижением человеческого разума, духа, морали, то единственным ответом может быть абсолютная автономия вопроса об убийстве от этих высших достижений, исходное полное недоверие человеку. Если нечто становится основанием убийства, покушения на жизнь, выполняет обосновывающую или критериальную функцию (то есть ради чего убивают и как отобрать объект убийства), это достойно особого взгляда «после Аушвица». И такого взгляда в полной мере заслуживает понятие «национальность».